

книгу к 100-летию со дня его рождения. Обе книги наполнены ценным фактическим и документальным материалом, что делает их важными источниками для исследователей – ученых, аспирантов, студентов. Как и для всех тех, кому не безразлична история страны и ее народа.

Большая трудовая жизнь Ираиды Осиповны Царюк в сочетании с природным талантом, незаурядными организаторскими способностями, высокой самодисциплиной, душевными качествами позволяет определять все сделанное деканом исторического факультета БГУ не только с большой буквы, и с чувством глубокой признательности и уважения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Каханюўскі А. Г., Ходзін С. М., Яноўскі А. А.* Грайда Осіпаўна Царук // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 2. С. 139–140.

2. *Царюк И. О.* Крутые дороги: посвящается Сергею Притыцкому. Минск : Рифтур, 2012. 256 с.

3. *Царюк И. О.* От родного порога / под ред. С. Н. Ходина. Минск : БГУ, 2011. 168 с.

Хорхордина Т. И.

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Российская Федерация)

ИСТОРИК И ВЕЧНОСТЬ: С. О. ШМИДТ И ИСТОРИЧЕСКОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ

Осмысление научно-педагогической школы С. О. Шмидта позволяет понять и феномен российского интеллигента, его роль и место в целостной феноменологии человеческого духа. Любая из многочисленных ипостасей С. О. Шмидта – историка, источниковеда, культуролога, текстолога, архивоведа, краеведа, педагога, просветителя и прочая, прочая – может послужить темой для фундаментального анализа, и каждое новое поколение исследователей даст свое прочтение его научного наследия. Достоинство настоящих ученых в том, что они никогда не замыкаются в одной узкой специализации. Эти слова, сказанные С. О. Шмидтом в 1996 г. на Международной научной конференции «Новое и старое в профессии архивиста: проблемы архивных кадров», в полной мере относятся к нему, выдающемуся российскому ученому.

Можно говорить, что уже сложилась полновесная источниковая база своеобразной учебно-научной дисциплины – «шмидтоведения».

100-летие Государственной архивной службы побуждает обратиться к научному наследию С. О. Шмидта, чьи труды содержат целостную программу принципиально нового направления в архивоведении и занимают важное место в истории архивоведческой мысли. Ученый возглавил возрожденное им краеведческое движение и неизменно подчеркивал необходимость интегрировать в него архивистов, выявляя преемственную связь в деятельности представителей обеих профессий. Отметим, что в провинции местные краеведы подняли тему «История в человеке», которая в научно-теоретическом плане долгое время оставалась неразработанной, хотя исторические источники, посвященные деятельности губернских ученых архивных комиссий и краеведческих организаций давали такую возможность. В частности, тезис С. О. Шмидта о том, что архивисты делают первые шаги по изменению сложившегося стереотипа «ценного» и «неценного» материала при отборе источников, остается актуальным до сегодняшнего дня. [5] Примечательно, что современные, поражающие своей остротой и востребованностью, «архивно-просветительские» идеи С. О. Шмидта соответствуют тому, что ученый высказывал на протяжении всей своей жизни.

Так, глубокие наблюдения и выводы содержатся в его исследовании «Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт» [12], где ученый не только убедительно соотносит время возникновения архивов на Руси с периодом образования основ ее государственности и национально-культурной самобытности, но и намечает объективный подход к пониманию двойственной природы и сущности архивов.

С. О. Шмидт отмечает, что с Петровской эпохи достаточно четко разделялись понятия «архив» как присутственное место, т. е. учреждение, и «архивы» как «канцелярские письма». Одним из немногих исключений в этом смысле и является упомянутая статья, где ученый указал, что с самого момента возникновения архивы совмещают разные функции: для практических нужд, и как памятник истории и культуры, например: «Повесть временных лет» и другие летописи.

Ученый писал, что словом «...*архив* обозначают и документальные материалы, отложившиеся в результате деятельности учреждения или отдельных лиц. Но *самое употребительное значение* (выделено авт. – Т. Х.) слова *архив* – хранилище документальных материалов, т. е. учреждение (или его структурная часть), функциями которого являются

прием, учет, хранение таких документов, составление к ним справочно-го аппарата и организация их использования. «Архивы» в первом значении становятся нам доступны, как правило, только тогда, когда оказываются в архиве-хранилище и воспринимаются нами уже как «архивный фонд» (или в просторечии – просто фонд)» [12, с. 29].

Трактуя понятие «архивы» в первом, т. е. не в самом употребительном, значении слова, С. О. Шмидт напоминает, что академик Д. С. Лихачев еще в 1947 г. справедливо характеризовал летописи как архивы, поскольку они представляют собой «сочинения исторические (даже историко-литературные) и эстетические, и в то же время справочные и подтверждающие» [12, с. 21].

В самом деле, если рассматривать архивы только как систему специализированных вспомогательных учреждений при централизованных органах государственной власти, то такого рода архивы возникли при Петре I. Этимологический анализ данного термина в этом случае сводится к латинскому корню «archivum» и древнегреческому «archeion», которые в лексикографических трудах, специально посвященных русскому языку петровского времени, трактуются однозначно (это относится и к другим терминам из понятийного аппарата архивного дела той эпохи): «*Архив* [от греч. archeion] – присутственное место. *Архивы* – канцелярские письма. *Документ* – доказательство. *Камер-архив* – место, где помещается архив. *Канцелярия* – приказ» [2, с. 47, 109, 128, 131]. С. О. Шмидт же аргументированно обосновал, что Архив способствует расширению и общекультурного кругозора (мировоззрения), и в этом плане архив можно рассматривать и как культурно-формирующий фактор, и как расширение представлений о возможностях использования междисциплинарных научных связей.

Уже в первых архивоведческих работах 1950-х гг., посвященных истории Царского архива XVI в. и создания лицевого описей этого архива [3, 4], С. О. Шмидт установил, что в официальной терминологии XVI в. Царский архив назывался Казной, или Государской казной, в отличие от государевой казны, обозначавшей обычно Постельную казну государя, и которой ведал А. Ф. Адашев. Он же определил, что слово «казна» имело тогда несколько значений. Так называли и всякое имеющее ценность имущество, и место хранения ценностей (вещей и документов), и учреждение, в ведении которого находились ценности. Казной назывались и хранилища рукописных и печатных книг, т. е. то, что на современном языке называется словом «библиотека». Иногда библиотеки имели особые названия: книгохранительная казна, «книгохранители-

ца». С. О. Шмидт выявил, что первое повеление И. М. Висковатому – «грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатями положить в казну» – датируется 9 мая 1554 г. Он же первым установил, что, хотя Висковатый был назначен печатником, т. е. хранителем Большой царской печати в 1561 г., в реальности же эти обязанности он исполнял и раньше – в 1553–1560 гг., будучи, по словам Ивана IV, «ближним верным думцем» [3, с. 304].

Именно в качестве печатника и думного дьяка И. М. Висковатый имел непосредственное отношение к Царскому архиву, что подтверждается его первыми описями, составленными либо самим Висковатым, либо под его руководством. Как отметил С. О. Шмидт, «печатником и главным хранителем архива, сосредоточившего все важнейшие документы внутренней и внешней политики государства, в том числе касающиеся династии и лично государя (например, «изветы»), Висковатый стал, видимо, после того, как в дни боярского «мятежа» 1553 г. обнаружилось «шатание» казначея и печатника Н. А. Фуникова» [3, с. 306]. Ученый приводит важное в историко-архивоведческом смысле угрожающее замечание митрополита Макария в адрес Висковатого во время заседания собора на еретиков летом 1553 г.: «знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков» [3, с. 307].

Составителями описей, легших в основу описи Царского архива, являлись И. М. Висковатый и А. Васильев. Дьяк Иван Висковатый в 1556–1562 гг. составил опись, которую называли «книгами Ивана Михайлова». Новый дьяк, Андрей Васильев, сменивший Висковатого в 1562 г., разработал на основании этой описи новую опись – «переписную тетрадь».

Кроме того, С. О. Шмидт установил, что «переписная тетрадь», составленная А. Васильевым, и новая опись, относящаяся к 1626 г., в свое время «были составлены, вероятнее всего, тоже под руководством Висковатого, так как он в эти годы продолжал оставаться начальником Царского архива и еще в 1567 г. присылал А. Васильеву в Посольскую избу список о приезде шведского посольства» [3, с. 390]. Историк сделал обоснованный и аргументированный вывод: там, где предполагалось длительное хранение, вырабатывались постепенно и правила описания источников, проверки их подлинности, там формировались и предпосылки и первичные основы вспомогательных исторических дисциплин и архивной науки. [12, с. 22]

Эти открытия в полной мере доказывают ключевую мысль ученого, которую он озвучил еще в январе 1964 г. на обсуждении в Академии наук СССР доклада П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева «О разработке методо-

логических вопросов истории»: «Первейшая задача историков – воспитывать у своих читателей и слушателей историческое мышление... Наши учебные пособия не всегда содействуют этому в полной мере. Они, как правило, описательно-назидательны... Из них практически изгнан элемент историографии» [5, с. 284]. Уже в 1960-е гг. С. О. Шмидт сформулировал идею о необходимости перехода исследования с эмпирического уровня на системный. Его идеи порой с трудом воспринимались архаистами с узкоцеховыми взглядами. Так, в 1969 г. ученый представил на суд коллег по Академии наук доклад «К истории архивного строительства в первые годы советской власти». Однако ему было рекомендовано не писать о «сомнительных» заслугах старых ученых, тем более что С. Ф. Платонов с 31 августа 1918 г. критиковал советскую власть, и негативные высказывания были зафиксированы также у А. С. Лаппо-Данилевского и у Е. В. Тарле. Несмотря на это, С. О. Шмидт опубликовал свой доклад в Ленинграде [6].

Более того, С. О. Шмидт становится научным руководителем студента А. В. Олигова, и когда члены ГЭК снижают ему оценку, ученый, пользуясь правом ответственного редактора сборника «Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины» включает в него статью А. В. Олигова о фонде документов Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР как одно из лучших студенческих исследований [1].

Однажды С. О. Шмидт объяснил свою привязанность к сюжету о Союзе Российских архивных деятелей (Союз РАД) тем, что ему выпало родиться именно в год пятилетнего юбилея со дня образования этого уникального явления отечественной культуры. В данной шутке, как и в любой шутке, есть большая доля правды (хотя мистику «странных сближений» в наши исполненные эсхатологических переживаний дни не отмечаем с порога). На мой взгляд, эта толика правды кроется в просветительском мировосприятии ученого.

Дело в том, что в послереволюционном Союзе Российских архивных деятелей на короткий миг воплотилась в реальность исконная мечта историков, архивистов, краеведов делать одно общее дело, опираясь на доступные любому исследователю архивные источники. «Золотой миг» исторической науки – так можно назвать короткий, как взмах ресниц, период, когда руль исторической науки и архивного дела оказался в руках таких корифеев, как А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов. Опять во времена Союза РАД, как и «архивных юношей», о которых ученый написал глубокое исследование [14], а также «славной эпохи

Н. В. Калачова», целые когорты энтузиастов заполнили тесные каморки древлехранилищ и вступили в напряженный диалог с историческими памятниками, пытаясь пробиться к подлинным знаниям.

Важное место в историографии архивной мысли занимают труды С. О. Шмидта, посвященные отечественным историкам, источниковедам, архивистам и архивоведам. Отметим, в первую очередь, его исследования о великом князе Николае Михайловиче (Романове), А. С. Лаппо-Данилевском, С. Ф. Платонове, М. М. Богословском, А. Е. Преснякове [9; 10; 11; 13] и других выдающихся представителей историко-архивоведческой науки, многие из которых явились разработчиками Декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. Новым словом в историко-архивоведческой науке стала статья С. О. Шмидта «О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и история его подготовки и реализации», где он проанализировал глубокое влияние декрета на последующий ход архивного строительства не только в нашей стране, но и за рубежом [15].

Однако вскоре власти прикроют двери архивов, а история станет превращаться во внеисточниковое знание. Процесс возвращения к архивным устоям исторической науки затягивался, и С. О. Шмидт одним из первых начал бить тревогу. Он призывал от методологической однозначности переходить к многоплановому восприятию истории. Вот где находятся корни его концепции возвращения к гуманитарным истокам подлинного историко-архивного образования. Он с искренней болью призывал разобраться в том, почему «молодые люди, склонные к творческому поиску, неохотно специализировались на кафедрах археографии истории и организации архивного дела». И тогда же ученый указал магистральный путь выхода из ситуации, сложившейся в вузовской системе подготовки архивистов. Вспомним, писал он, что «выявление, изучение и использование архивных материалов всегда воспринималось как дело всей исторической науки и шире – гуманитарных наук... Думается, что все это будет еще в большей мере способствовать сближению собственно исторических и архивоведческих дисциплин и взаимопроникновению знаний об этом в процессе преподавания в высшей школе» [8, с. 12].

Идеи С. О. Шмидта о необходимости взаимопроникновения знаний сегодня воплощаются в университетской системе междисциплинарного обучения студентов. Такой концептуальный методологического масштаба взгляд характерен и для его статьи, посвященной подготовке и обучению историков-архивистов в МГИАИ, в которой прозвучал программный вывод, сохраняющий свое значение и сегодня: «Конечная

цель вузовского обучения – развитие самосознания будущих специалистов» [7, с. 57]. По моему мнению, в этих словах и заключен символ веры академика РАО С. О. Шмидта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Олигов А. В.* Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917–1924) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М. : МГИАИ, 1980. С. 73–77.
2. *Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1910. Т. 88. № 2. С. 47–131.
3. *Шмидт С. О.* К истории Царского архива середины XVI в. // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 304–407.
4. *Шмидт С. О.* К истории создания описей Царского архива XVI века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 53–57.
5. *Шмидт С. О.* О разработке методологических вопросов истории // История и социология. М., 1964. С. 284–296.
6. *Шмидт С. О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда 13–14 июня 1968 г. Л., 1970. С. 19–35.
7. *Шмидт С. О.* О подготовке историков-архивистов в МГИАИ (Размышления в связи с реформой высшей школы) // Советские архивы. 1987. № 4. С. 55–63.
8. *Шмидт С. О.* Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987). М., 1989. С. 9–20.
9. *Шмидт С. О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994.
10. *Шмидт С. О.* А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 229–238.
11. *Шмидт С. О.* Сергей Федорович Платонов и «дело Платонова» // Советская историография. М., 1996. С. 215–239.
12. *Шмидт С. О.* Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт // Вестник архивиста. 1996 г. № 4. С. 20–31.
13. *Шмидт С. О.* Вступительное слово на конференции, посвященной научному наследию М. М. Богословского и А. Е. Преснякова // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 247–253.
14. *Шмидт С. О.* «Архивны юноши толпою...» // Вестник архивиста. 2003. № 3–4 (75–76). С. 136–156.
15. *Шмидт С. О.* О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и история его подготовки и реализации // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 134–138.